

Свое призвание – писать, посвятить себя «во взрослой жизни» литературному труду – я почувствовал очень рано, еще в школьные годы. Однако реализовать это свое призвание в действительной жизни оказалось значительно сложнее, чем просто с затаенным восторгом его в себе чувствовать.

Конечно, и стихи я начал писать рано – классе в седьмом. И они неплохо у меня получались для столь юного возраста.

Посещал я и кружок поэзии во дворце пионеров... Но все это было так себе по большому счету – детские увлечения и игры.

А когда я наконец осознал в 17-18 лет, что настоящие стихи должны не сводиться к красивому рифмоплетству, а иметь свое лицо.., что у поэта должен быть свой поэтический голос и свой авторский почерк в творчестве, создать такую поэзию у меня решительно не получалось.

То выходило «под Блока», то «под Есенина», то «под Маяковского».., а что-то действительно свое – интонация, образная система, ритмический строй – так и не находилось, сколько я над этим ни «корпел».

И пришлось про стихи на какое-то время забыть. И это оказалось на самом деле самое лучшее, что я мог тогда придумать, – перестать давить на себя самого, перестать мучить себя бесплодными попытками настоящего творчества...

Поэзия должна рождаться сама собой – как Венера из пены морской. Так со мной и случилось года через два или три. Я даже помню до сих пор эти первые свои удачные стихи.

К тому времени я уже писал статьи, и очерки – в частности, о первых русских славянофилах: Алексее Хомякове, Иване Киреевском, братьях Константине и Иване Аксаковых... Они выходили интересными. Тема была выигрышной, почти не знакомой тогдашнему советскому литературоведению.

А тут еще и стихи – возможность творчества на «ниве поэзии».

И я, конечно, в соиздание стихов погрузился с увлечением.

Близилось окончание Университета.

И стихов, и уже опубликованных в научных изданиях статей накопилось немало. И я решил дерзнуть – показать свое творчество уважаемым людям в мире культуры, настоящим знатокам и ценителям большой русской литературы.

И написал два письма – одно письмо академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву и другое письмо Лидии Яковлевне Гинзбург, перед личностью и творчеством которой я тоже преклонялся.

Лидия Яковлевна Гинзбург все-таки менее известна ныне, чем Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Поэтому напомним – близкая знакомая Ахматовой, Шкловского, Эйхенбаума, яркая представительница ленинградской литературной молодежи 1920-х годов, генетически связанной еще со старой, дореволюционной петербургской культурой, впоследствии яркий исследователь классики нашей литературы, автор многих замечательных книг, в том числе и книг очерков и воспоминаний.

И в обоих случаях я получил отклики на свои письма от уважаемых адресатов и приглашение явиться к ним для обстоятельной беседы в домашней обстановке.

Сначала я отправился на квартиру к Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Он жил в моем же районе Ленинграда, на 2-ом Муринском проспекте.

Довелось просто прогуляться до дома Дмитрия Сергеевича пешком.

Конечно, яркие впечатления остались от этой встречи. Уже тогда в 1970-е годы Дмитрий Сергеевич был знаменит... И я вполне отдавал себе отчет в том, кто меня принимает – один из светочей нашей культуры в полном смысле этого слова.

Дмитрий Сергеевич меня расхвалил. Его отзывы меня окрылили безусловно. Он прямо сказал, что, по его мнению, я «человек необыкновенный», что у меня «большой литературный талант» и «большое будущее в литературе».

Собственно, я мог бы тут и возгордиться.

И я даже попытался было возгордиться, но тут же понял, что у меня это плохо и необоснованно все-таки выходит – оставалась неопределенность: ну есть литературный талант, даже большой, допустим, талант... А в чем именно он заключается, и как именно его реализовать? Ни мои стихи, ни мои тогдашние статьи шедеврами еще отнюдь не являлись...

И вот в таком и гордом, и озадаченном одновременно состоянии я отправился к Лидии Яковлевне Гинзбург.

Лидия Яковлевна тоже жила совсем недалеко – на том же зеленом, заросшем огромными старыми деревьями разных пород 2-ом Муринском проспекте, в совершенно заставленной книгами однокомнатной квартире.

Она тогда уже была совсем старушкой – сухонькой, небольшого роста интеллигентной старушкой.

И вот ее отзыв сыграл в моем будущем поэтическом творчестве огромную роль.

Статьи мои о славянофилах Лидия Яковлевна очень похвалила – действительно была раскрыта в этих статьях новая и смелая по тому времени тема (в советскую эпоху изучение творчества помещиков-славянофилов, рьяных сторонников Православия и приверженцев особого пути развития России совсем не поощрялось), статьи были написаны живо и ярко, в них были интересные наблюдения и мысли. Это Лидия Яковлевна и отметила.

А вот о стихах она отозвалась так: «Знаете, Сережа, я столько стихов читала и слышала на своем веку... Самых разных стихов, в том числе очень хороших и просто замечательных стихов. Может, у меня уже к старости притупилось восприятие поэзии – перечитала стихи сверх меры и переслушала сверх всякой меры стихи за свою жизнь... Но знаете – у вас, безусловно, очень хорошие стихи. И я таких очень хороших стихов тоже уже наслушалась в своей жизни. А вот чего-то ошеломляющего, нового, необычного..., что бы встрепенуться душу заставило... Этого я в ваших стихах не увидела. Просто обычные очень хорошие стихи. И все. Может, стара уже я стара совсем. Извините, Сережа».

И я сразу понял, признаюсь, что Лидия Яковлевна – совершенно права! С сожалением осознал я это, но очень отчетливо – действительно я писал тогда просто очень хорошие стихи, такие, каких много бывает на свете.

Это не Поэзия с большой буквы.

Заниматься просто каким-то сочинительством, более или менее удачным, мне не хотелось. И поэзию я надолго забросил... Почти на десять лет.

Погрузился в историю русской общественной мысли и литературы, защитил как историк кандидатскую диссертацию о первых русских славянофилах в 1982 году. А со следующего года стал работать научным сотрудником Пушкинского Дома (Института Русской Литературы Российской Академии Наук), написал свою первую книгу – о любимом своем тогда поэте и литературном критике Аполлоне Григорьеве.

О поэзии же вроде бы забыл. Но забыл с сожалением – я же все-таки чувствовал в себе с детства какую-то поэтическую энергию, энергию и слова, и чувства, энергию образного видения мира... Почему же я ее не могу ярко и по-своему выразить в поэзии?

И однажды на отдыхе в Литве задумался о верлибре – вот почему в нашей поэзии он так в целом и не утвердился, а в современной англоязычной и вообще европейской поэзии давно преобладает... Да и японская поэзия легко обходится без рифмы.

И я попробовал сделать несколько пейзажных зарисовок – без рифмы. Показалось – удачно вышло, интересно. И как-то это соответствовало обстановке вокруг – летняя Литва, в пределах тогдашнего СССР почти Запад.

Потом я вроде бы и забыл об этих своих опытах...

Но однажды, уже в Ленинграде, захотелось поиграть вечером с поэтическим словом и одновременно – в лабиринте философских ассоциаций и смыслов...

И просто сами собой родились эти вот строки:

Сегодня утро было особенно нарядным,
проходя по комнатам,
оно теснило тени сомнения,
сдувало пыль скорби
и охотно разговаривало со всеми на их языке.
Окна были широко раскрыты,
точнее распахнуты,
и за ними
на задумчиво качающихся зеленых ветвях
пели большие желтые птицы покоя,
узоры памяти переливались на стенах,
и поскрипывающий паркет бытия
казался особенно долговечным.
Лестница сбегала,
как скромная белолицая девочка,
в густой бормочущий с ветром сад,
за которым –
это было отчетливо видно издали –
мускулистый человек,
по пояс свешиваясь из окна черной башни,
придерживал увесистую стрелку времени
на обнаженном циферблате городских часов.

Я сразу почувствовал, что это – необычно и здорово. И ни на кого в русской поэзии не похоже.

Так в поэзии я наконец нашел себя. Это был 1986 год. И мне тогда было уже почти тридцать лет.

Во всей этой истории важно вот что – чтобы найти себя в настоящей поэзии или прозе и сказать в них действительно новое слово, быть в творчестве самим собой и писать при этом действительно ярко, надо не только иметь талант и определенный уровень литературной культуры и общей культуры и, тем более, надо не просто владеть художественным словом на должном высоком уровне...

Нужно прежде всего полностью раскрепоститься – ощутить полную внутреннюю свободу... И тогда эта внутренняя свобода, – полная и ошеломляющая, головокружительная и рискованная даже, – сама собой перельется в творчество, оплодотворит ваше творчество и сделает его действительно ярким и необычным.

Тогда и скажут знатоки и многие окружающие вас ценители литературы – это новое слово в нашей литературе.

И ваши литературные мечты сбудутся – почти как в сказке. Может быть, даже в одночасье.

Только – если у вас есть талант.

А талант – это не жажда славы и признания. Это ощущение в себе некой энергии образного видения мира – этой энергии трудно дать

определение. Но она, безусловно, сродни божественной энергии или тому, как мы божественную энергию себе представляем и что мы о ней знаем.

Это – энергия демиурга, творящего новые миры. Пусть только в художественном слове.

Может быть, такое определение – и есть самое емкое и точное определение настоящего литературного дарования.

Остальное же все – приложится.

Тут многое зависит, конечно, от страны и от эпохи, когда живет художник слова. Но он в состоянии найти свой путь, если он – художник от Бога – в любую эпоху.

Хотя с временем, в котором художник живет, ему порой приходится и бороться.

«Художник и его время», «Художник слова и читатель» – это уже другие большие темы. И о них можно будет рассказать в следующих очерках.

Сейчас же я попытался правдиво рассказать о том, как довелось мне «открыть себя» в литературе и в поэзии в первую очередь.

И это было отнюдь не так просто.

И Я ХОЧУ ЧУДЕС

И я хочу чудес,
горячих и земных,
чтобы меня они
коснулись жарко,
творя все время
только невозможное,
забыв о том,
что просто не бывает
и не приходит
к людям никогда.

Хочу любить весну
без всякого стыда,
как фею молодую,
хочу кружиться летом
в шуме листьев
с волшебницей счастливой
день и ночь

и жить хочу,
всю душу распахнуть,
все тайны сокровенные
увидеть,
все сказки рассказать
до самого конца
и повстречать
красавицу веселую,

ласкать ее безумно
до рассвета
и никогда уже
не позабыть.

Пусть кружится
под музыку вселенной
земля моя
девчонкой озорной,
и пусть бушует в ней
опять неистово
великий океан любви.

.....
Бог чиркал спичкой,
зажигая звезды,
луна играла
в прятки с облаками,
и ветер,
как мальчишка шаловливый,
все не хотел уснуть
в красивый вечер,
гулял привольно
по лугам широким
и листвой шептался
в роще одинокой
и был неугомонным
как всегда.

Не спал и я,
не приходили сны,
как люди
незнакомые, усталые,
и тишина со мной
опять осталась
подругой ласковой
до самого утра,

и ангелы
кружились за окном,
как призраки
в своих одеждах белых,
и кто-то
молчаливый и спокойный
играл им тихо
сказочную музыку,
как будто созданную
для любви.

И солнце ходит вновь
по крыше дома,
как радостный
горячий человек,
и облака уселись
на скамью
у сонного пруда,
как белые
большие зайцы,
и ветер, словно пес,
повсюду рыщет,
бежит по следу
всех ночных чудес,
и утро мне
откроет свои тайны,
сгоняя липкий
и седой туман,
как девушка,
что вдруг
поднимет платье
и засмеется
смехом шаловливым
и вновь готова
нежно целовать.

Ведь в этом мире
все наоборот:
земля порою
даже выше неба,

и дом мой старый
в облаках кружится,
он легче воздуха
теперь
на самом деле,
и ангелы,
как птицы перелетные,
салятся смело
на мое окно.

.....
Вся жизнь теперь
приятная, как вкус,
зовущая к себе,
веселая, простая,
как кружка полная
парного молока,
как свежий хлеб
ломтями
летним утром,
как ягоды чудесные
с куста
в саду твоём
в сияющем июле,
как небо синее
от края и до края,
как солнца самовар
с дымящимся от счастья
сладким чаем
золотым,
как ветер вольный
на полях широких
и как тропинка,
милая родная,
бегущая
девчонкой шаловливой
неведомо куда
и почему.

Какая красота кругом
и радость
водой живой
вновь льется из источника
среди камней
в таинственном лесу.
Ты пьешь ее
и снова молодеешь,
как будто ты
сегодня и родился,
спустился с неба

в чудное мгновенье,
как солнца луч
с его веселым светом,
летающим беззаботно
над землей.

.....

Мир где-то есть,
огромный, шумный,
радостный,
но я его не чувствую
совсем,
я на окраине вселенной
существую,
за мною – вечность
без конца и края,
без времени,
пространства и границ.

Но именно поэтому
здесь – жизнь
сосредоточена
у пропасти забвения
и обещает
счастье без цепей,
восторг
без знаков препинания
и ту любовь,
которая похожа
на птиц полет
в вечернем чистом небе
за синий
и далекий горизонт.

.....

И где же та реальность
в мире,
которой ты не можешь
обладать,
и где те феи
чудной красоты,
которых ты не видел
никогда,
где та любовь,
которой ты не знал,
где те мечты,
которым ты не верил,
и где то счастье,
что не приходило
к тебе когда-нибудь
в волшебный миг.

Такого нет уже
во всей вселенной,
ты знаешь всю ее
от края и до края
и почему-то
дружишь с ней,
как с девочкой,
которую
случайно повстречал.

.....

Мне кажется,
весь мир вокруг – живой,
способный чувствовать
так ярко
и пронзительно...

деревья говорят
с тобой и травы,
цветы способны
полюбить,
как девушки,
и ласками обрадовать
тебя,

и солнце знает
тайну о тебе,
зачем ты здесь
под небом
синим-синим,
луна-красавица
тебя обнимет ночью
и будет долго
жарко целовать,

и даже камни
говорят с тобой,
хотя и тихим шепотом,
о главном,
и ты их заклинания
услышишь,
ведь они вновь
даруют тебе жизнь.

.....

Что-то особенное
есть во всем вокруг,
как будто дом стоит
с наклоном
в одну сторону,

и небо
приближается к нему,
и в озере вода
становится стеклянной,
ее ты можешь
молотком разбить,
беря осколки в руки
незаметно.
Дорога горбится,
как старый человек,
и дверь скрипит,
как будто писк
мышиний
стоит кругом
не первый день
подряд.

Откуда это?..
мир сместился
в сторону
большой загадки
чудной красоты
и одиночества,
когда вокруг,
наверно, кто-то есть,
но все молчат,
и никого не видно,
и где они –
нельзя и угадать.

.....
И вихри жизни
так порой закружат...

как лист осенний
на ветру кружится,
так ты кружишься
в мире иногда.

И непонятно,
что за сила чудная
несет тебя пушинкой
над землей:
то ли любви
безумное влечение,
то ли восторга
тайна негасимая,
которая ласкает
твою душу,
как пламя жаркое
волшебного костра.

Кружись
и чувствуй плоть
живого мира,
люби ее
и становись кудесником
и гордым жезлом,
даруй радость нежную
чудесным феям
молодым вокруг
до самого рассвета,
когда новый
начнется день
в листах календаря.

